

0 ар
к

к

ДѢТСТВО и ЮНОСТЬ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ.

40820

(Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія
въ ихъ жизни).

Соч. Л. Колэ.



ENFANCES CÉLÈBRES.

переводъ съ 12 изданій

С. Майковой.

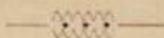
СЪ 57 РИСУНКАМИ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА В. П. ГУБИНСКАГО.



Венъяминъ Франклинъ.



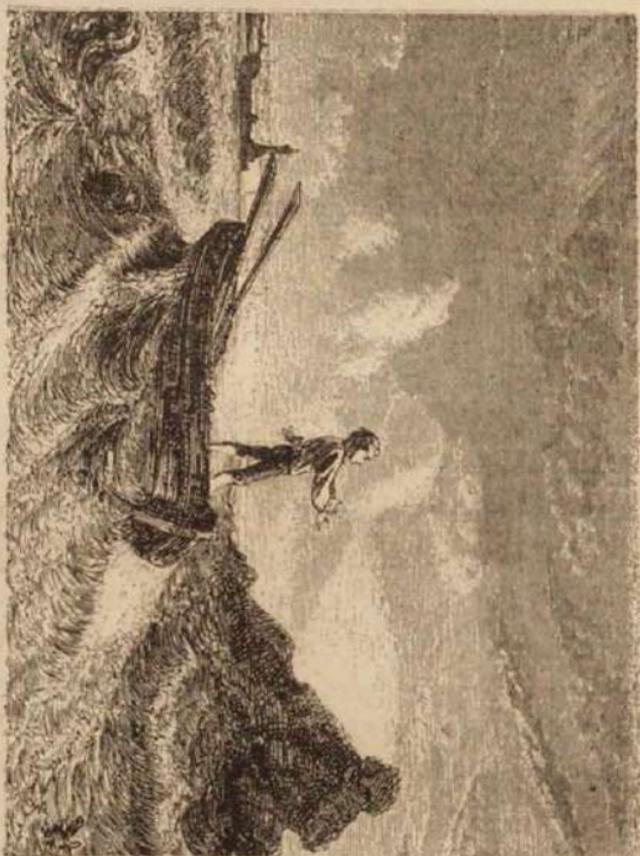
ЖТЪ безъ малаго двѣсти тому назадъ прекрасною осеннею порою какой-то мальчикъ лѣтъ восьми или девяти чуть ли не каждый вечеръ отправлялся съ наступленіемъ сумерковъ упражняться въ плаваніи около бостонскаго рейда. Въ то время городъ этотъ далеко еще не былъ тѣмъ важнымъ торговымъ пунктомъ, какимъ сталъ съ тѣхъ поръ. Бостонъ въ тѣ дни былъ не болѣе какъ однимъ изъ крупныхъ центровъ народонаселенія англійскихъ колоній въ Америкѣ; хотя уже и тогда какъ торговля, такъ и промышленность развивались въ этомъ городѣ съ тою безпрерывною и регулярною дѣятельностью, какою вообще характеризуется духъ англійскаго народа.

Этотъ ребенокъ, каждый почти вечеръ бросавшійся такимъ образомъ вплавъ съ берега, либо пытавшійся завладѣть тѣмъ или другимъ заброшен-

нымъ челнокомъ, чтобы научиться править имъ, былъ одѣтъ въ обыкновенное платье простыхъ ремесленниковъ. Но стройный станъ этого мальчика, выразительное его лицо, умный и выразительный взглядъ его прекрасныхъ голубыхъ глазъ, — все это вмѣстѣ заставляло каждаго невольно на него оглядываться, такъ что очень скоро сталъ онъ извѣстенъ всѣмъ какъ есть обычнымъ посѣтителемъ порта, и не было того стараго моряка, который бы не зналъ и не любилъ мальчугана Веньямина и дружески не окликнулъ его по имени, между тѣмъ какъ съ проворствомъ рыбы лавировалъ онъ среди цѣлаго лабиринта лодокъ, челноковъ и баркасовъ. Выйти въ открытое море все равно въ плавь-ли или на лодкѣ — въ которую очень часто уловчался онъ вскочить незамѣтнымъ образомъ, но которую всегда очень аккуратно возвращалъ на то мѣсто, откуда взялъ — было любимымъ упражненіемъ здороваго мальчугана съ умной и чрезвычайно живою физиономіею, и какъ только отплывалъ онъ отъ берега на такое разстояніе, что оставался одинъ между небомъ и водою, онъ беззавѣтно предавался своей радости, которая высказывалась то протяжнымъ дыханіемъ полною грудью здороваго морскаго воздуха, то порывистыми движеніями всего тѣла, то звонкимъ пѣніемъ какой нибудь народной пѣсни, къ кооторой часто прибавлялъ онъ собственныя импровизаціи, воспѣвая красоту природы и свободу.

Иногда ему случалось добираться частью вплавъ, частью на лодкѣ до того или другаго изъ утесовъ, торчавшихъ надъ водою, и въ такомъ случаѣ, взо-

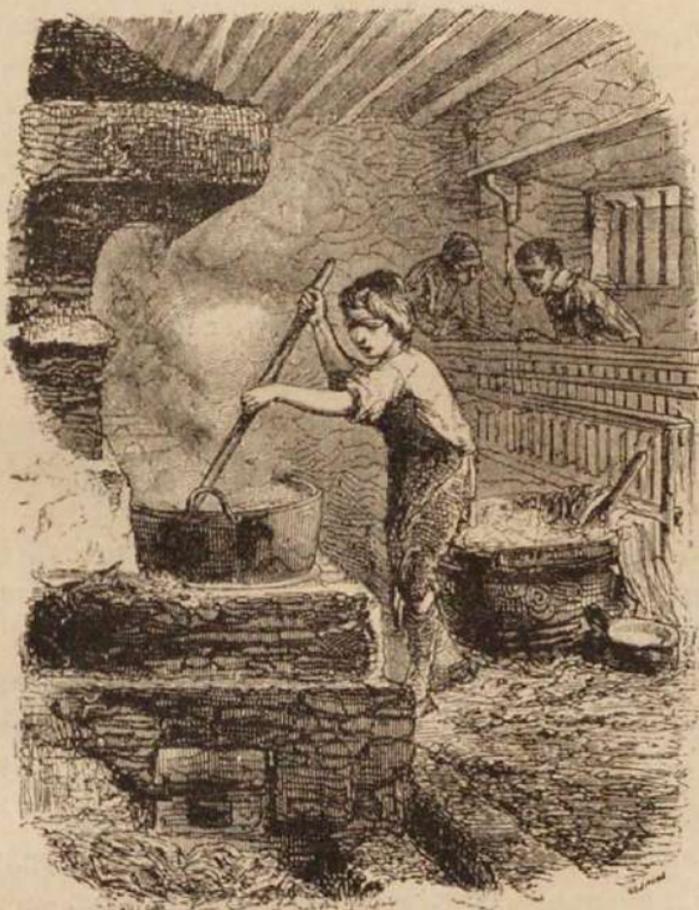
бравшись на самый верхъ, онъ обыкновенно развѣшивалъ свое платье, чтобы просушить его, а самъ, усѣвшись на вершину скалы, задумчиво принимался любоваться со всѣхъ сторонъ окружающимъ его



воднымъ пространствомъ: вдали передъ нимъ, какъ бы сквозь туманъ, смутно виднѣлся берегъ, портъ, городъ Бостонъ, позади растягалось неизмѣримое водное пространство съ его колыхающимися громадами какъ бы погоняющихъ одна другую волнь.

Радость маленькаго Венъямина при видѣ широкаго простора, пленительной красоты моря и вообще при-

роды еще усиливалась и чувствовалась имъ живѣе, благодаря рѣзкому контрасту существовавшему между этими вечерними часами полной свободы и тою ненавистною работою, какую заставляли его исполнять



въ продолженіи цѣлаго дня. Съ самаго утра и до вечера принужденъ былъ бѣдный мальчикъ заниматься дѣломъ ему несноснымъ и противнымъ. Отецъ его былъ по ремеслу свѣчнымъ мастеромъ, и на долю маленькаго Веньямина выпала обязанность заниматься спеціально варкою сала, безпрестанно мѣшать это сало,

пока варилося оно въ котлахъ, и затѣмъ разливать по свѣчнымъ формамъ. Понятно, что такое занятіе не могло нравиться ребенку, одаренному пылкимъ воображеніемъ и весьма тонкимъ чутьемъ ко всему прекрасному, и лишь съ глубокимъ отвращеніемъ подчинялся онъ требованію отца, который уже съ годъ какъ держалъ его на этой скучной, непривлекательной работѣ. Отданный въ школу напятомъ году, Веньяминъ пробылъ тамъ до восьмилѣтняго возраста и за эти три года выучился прекрасно читать и писать. Чтеніе было его страстью, и очень часто украдкою отъ отца пользовался онъ для чтенія тѣми книгами, изъ которыхъ отецъ его — человекъ умный и любившій просвѣщеніе, не взирая на свое положеніе ремесленника — успѣлъ составить себѣ маленькую бібліотеку. Въ числѣ этихъ книгъ было и нѣсколько томовъ Плутарховыхъ жизнеописаній великихъ людей, и одно изъ величайшихъ удовольствій мальчика состояло въ томъ, что послѣ такого чтенія онъ отправлялся на берегъ или даже на лодкѣ въ открытое море и тамъ въ виду великолѣпнаго зрѣлища природы думалъ о прочитанномъ и отдавался своимъ золотымъ мечтамъ о борьбѣ, полезной дѣятельности и славѣ. Такіе часы полного уединенія и полнѣйшей свободы въ значительной степени помогали ему довольно терпѣливо переносить и то отвращеніе, какое испытывалъ онъ работая на свѣчномъ заводѣ, и противный запахъ сала, отъ котораго его тошнило, и брезгливое чувство, съ какимъ переливалъ онъ это еще горячее сало въ свѣчныя формы. Къ тому же зная, что ремесло это было ремесломъ его отца, онъ боялся, благодаря вражденному въ немъ чувству де-

ликатности, оскорбить отца, выказывая передъ нимъ свое глубокое отвращеніе къ тому занятію, къ которому приневоливалъ онъ его. Но за то, еле покончивъ со своею дневною работою, онъ съ быстротою стрѣлы мчался къ берегу, жадно вдыхалъ въ себя здѣсь свѣжій морской воздухъ и, снявъ съ себя свою пропитанную запахомъ сала блузу, долго купался и нырялъ въ прохладныхъ волнахъ, послѣ чего, чувствуя себя какъ бы обновленнымъ, снова сознавалъ себя Божиимъ избранникомъ, одареннымъ особыми духовными силами, которыя, съ каждымъ днемъ развиваясь, должны были со временемъ сдѣлать имя его великимъ и славнымъ, не взирая на скромное социальное его положеніе. Чтеніе же Плутарховыхъ жизнеописаній, поддерживая въ немъ такое настроеніе и располагая его къ борьбѣ со всевозможными препятствіями, пуще укрѣпляло въ немъ увѣренность въ осуществленіе всѣхъ его радужныхъ надеждъ.

По возвращеніи домой съ такихъ прогулокъ, имѣвшихъ на ребенка въ высшей степени благотворное дѣйствіе въ смыслѣ бодрящаго нравственнаго отдыха, Веньяминъ веселый и успокоенный душевно садился вмѣстѣ съ остальными членами семьи за скромный ужинъ, вскорѣ послѣ котораго читалась общая вечерняя молитва, а затѣмъ онъ уходилъ къ себѣ въ свою тѣсную маленькую комнату, служившую ему спальнею, и здѣсь принимался за чтеніе своихъ излюбленныхъ книгъ, а иногда упражнялся въ сочиненіи маленькихъ рассказовъ въ прозѣ, либо въ стихахъ. Но какъ бы поздно ни засиживался онъ съ вечера за такими занятіями, которыя составляли для него истинное удовольствіе, на слѣ-

дующее утро онъ со всѣмъ тѣмъ постоянно бывалъ уже на ногахъ съ зарею и спѣшилъ отправиться на заводъ, чтобы помогать отцу въ его свѣчномъ производствѣ.



Такая постоянная кротость мальчика и его усердное прилежаніе къ занятію, противному всѣмъ его наклонностямъ, тронули наконецъ отца Веньямина, который, какъ человѣкъ умный и проницательный, видѣлъ и понималъ, что происходило въ душѣ ребенка и куда влекли его стремленія. А потому, желая доставить ему хотя бы какую нибудь возможность удовлетворить своей страсти къ ученію, онъ сказалъ ему однажды:

— Я вижу, что ты никакъ не можешь свыкнуться съ моимъ ремесломъ, и потому рѣшилъ, что

возьму себѣ въ помощники младшаго твоего брата, а тебя отдамъ въ ученіе въ типографію старшаго брата; такое ремесло будетъ для тебя болѣе подходящимъ, такъ какъ ты любишь чтеніе; а наборщику всегда легко достать себѣ для прочтенія ту или другую книгу изъ любой книжной лавки.

Услыхавъ эти слова, мальчикъ запрыгаль отъ радости. Давно уже завидоваль онъ брату его профессію и часто мечталъ сдѣлаться наборщикомъ; но онъ не смѣлъ даже и надѣяться, чтобы отецъ его когда либо согласился на это.

Работать въ типографіи никогда не казалось ни унизительнымъ, ни противнымъ даже величайшимъ поэтамъ, беллетристамъ и мыслителямъ, доказательствомъ чего могутъ служить Бальзакъ, Беренже и множество извѣстныхъ англійскихъ писателей, простыми наборщиками начавшихъ свою блестящую карьеру.

Набирать произведенія лучшихъ англійскихъ литераторовъ, схватывать изъ нихъ тѣ и другія отрывки, подбирая и равняя свинцовыя буквы, вдыхать острый запахъ типографіи вмѣсто удушливой и отвратительной вони сальныхъ свѣчей, все это вмѣстѣ на первыхъ порахъ показалось нашему юному герою чисто райскимъ блаженствомъ, такъ что онъ совсѣмъ даже и не думаль о тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, на какихъ его братъ согласился принять его ученикомъ въ свою типографію. Человѣкъ въ высшей степени расчетливый и положительный Джэемъ Франклинъ—такъ звали старшаго брата Веньямина Франклина—принялъ мальчика къ себѣ въ типографію лишь подъ тѣмъ условіемъ, что до

двадцати одного года онъ будетъ у него работать въ качествѣ не болѣе какъ простаго наборщика и при томъ все это время, за исключеніемъ послѣдняго года, безвозмездно.

Впрочемъ довольно еще сносно для Венямина прошли первые года ученія въ типографіи его брата, и все по прежнему продолжалъ мальчикъ находить большое для себя наслажденіе и въ чтеніи и въ своихъ вечернихъ прогулкахъ по морю. Брату же его, который строго слѣдилъ лишь за тѣмъ, чтобы мальчикъ прилежно занимался своимъ типографскимъ дѣломъ въ продолженіе рабочихъ часовъ, было совершенно безразлично ужиналъ-ли онъ или же прогуливалъ свои ужины, отдыхалъ ли ночью и спалъ, или же урывалъ отъ своего сна нѣсколько часовъ ночи, чтобы предаться непоборимой своей страсти къ чтенію.

Около этого времени мальчикомъ-наборщикомъ очень сильно заинтересовался одинъ весьма богатый и образованный англійскій негодіантъ, часто посѣщавшій типографію и не замедлившій угадать въ юномъ наборщикѣ умъ далеко не дюжинный. Пригласивъ Венямина къ себѣ, онъ разрѣшилъ ему пользоваться своею прекрасною бібліотекою, одною изъ самыхъ богатыхъ въ Бостонѣ, и даже вызвался быть его руководителемъ въ выборѣ книгъ. Сперва онъ заставилъ его прочесть большую часть историковъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, и такимъ образомъ ознакомилъ его съ исторіею не только тѣхъ странъ и народовъ, что извѣстны были въ глубокой древности, но и тѣхъ, открытіе которыхъ относится ко временамъ сравнительно болѣе близ-

кимъ къ намъ. Затѣмъ онъ далъ ему прочесть нѣкоторыя лѣтописи и мемуары, рисующіе бытъ и нравы той или иной эпохи, а также и нѣкоторыя наиболѣе извѣстныя и выдающіеся сочиненія по богословію, философіи, этики и политики. Въ довершеніе же такого самообразованія путемъ толковаго и внимательнаго чтенія онъ познакомилъ его съ твореніями тѣхъ великихъ поэтовъ различныхъ націй, въ которыхъ какъ бы сосредоточивается духъ всѣхъ другихъ геніальныхъ писателей, подобно тому какъ въ Гомерѣ и Шекспирѣ вмѣщаются отголоски всякихъ знаній и всякаго рода вдохновеній.

Поэзія вскружила голову Веньямину, и онъ увлекся ею. Еще въ дѣтствѣ бывало любилъ онъ сочинять стихи; но стихи эти отличались полнѣйшимъ отсутствіемъ всякихъ правилъ версификаціи. Теперь же онъ задумалъ писать стихи, выработанные по всѣмъ тѣмъ правиламъ, которыя въ то время только что перевелъ англійскій поэтъ Бонъ изъ Горация и Буало. Однако для того, чтобы сдѣлаться настоящимъ поэтомъ, одного желанія стать имъ еще мало: для этого надо, чтобы свыше дана была намъ искра священнаго огня поэтическаго вдохновенія.

Но черезъ-чуръ еще юнъ былъ въ ту пору Веньяминъ, чтобы быть въ состояніи ясно уразумѣть въ чемъ именно заключалось его настоящее призваніе, и, чувствуя себя охваченнымъ при видѣ грандіозной красоты природы вообще, а моря и въ особенности восторженнымъ настроеніемъ, рѣшилъ, что онъ поэтъ. Однакожъ теперь онъ уже не довольствовался, какъ бывало прежде, одними устными импровизаціями на тотъ или иной старинный народный мо-

ключенія отважныхъ мореходовъ, и, оставшись имъ доволенъ, спѣлъ ихъ нѣкоторымъ старымъ матросамъ, своимъ береговымъ друзьямъ. Отъ этихъ балладъ эти послѣдніе пришли въ восхищеніе и, заучивъ ихъ наизусть, начали распѣвать ихъ хоромъ, что вскорѣ доставило имъ нѣкоторую популяриность. Тогда братъ Веньямина Франклина, человѣкъ весьма чуткій всюду, гдѣ предвидѣлась возможность получить барыши, напечаталъ эти двѣ баллады на отдѣльныхъ листахъ и по вечерамъ посылалъ брата продавать ихъ въ разность по городу. Продажа пошла очень бойко; баллады раскупились на расхватъ и на улицахъ, и на городскихъ площадяхъ, а ужъ въ особенности въ портѣ, гдѣ каждый матросъ, каждый юнга спѣшилъ приобрѣсти себѣ балладу сочиненія своего юнаго друга. Деньги, выручавшіяся отъ такой продажи, Веньяминъ до послѣдняго фарзинга отдавалъ своему брату, вполне довольствуясь самъ со знаніемъ, что баллады эти доставили ему нѣкотораго рода славу.

Однакожъ отецъ юноши, обладавшій большимъ природнымъ умомъ и весьма трезвыми взглядами на вещи, своимъ авторитетомъ вскорѣ счумѣлъ положить конецъ какъ дальнѣйшему въ этомъ случаѣ проявленію черствой алчности со стороны старшаго своего сына, такъ и проявленію зарождавшагося тщеславія со стороны юнаго поэта, воспретивъ первому дальнѣйшую продажу этихъ балладъ и весьма категорично объявивъ второму, что стихи его изъ рукъ вонъ плохи.

Понимая, однакожъ, какъ человѣкъ умный, что остановить дальнѣйшія посползновенія юноши въ

стихотворствѣ однимъ отцовскимъ авторитетомъ трудно или, вѣрнѣе сказать, почти невозможно, отецъ Венямина рѣшился убѣдить сына путемъ сравненія его балладъ съ произведеніями дѣйствительно великихъ поэтовъ, съ которыми былъ довольно хорошо знакомъ благодаря своей любви къ чтенію, до чего стихи его были не только ниже всякой



критики, но просто даже смѣхотворны. Для этого имъ были выбраны три изъ числа великолѣпнѣйшихъ шекспировскихъ сценъ: одна изъ „Смерти Цезаря“, другая изъ „Бури“ и третья изъ „Ромео и Джуліетты“, въ которыхъ гениальный поэтъ поочередно изобразилъ любовь къ отечеству и къ свободѣ,

картину бушующаго моря и сладость и горечь любви. Эти три сцены отецъ Веніамина прочелъ въ слухъ своему сыну, который, слушая его, переходилъ отъ восторга къ умиленію. „О, какъ это прекрасно!—восклицалъ онъ;—такіе стихи въ состояніи воспламенить восторгомъ цѣлыя толпы народа“!

Тогда отецъ, взявъ въ руки его баллады, съ улыбкою сказалъ ему: „А между тѣмъ вѣдь и тебѣ въ твоихъ балладахъ приходилось выразить почти тѣже чувства, что выражены въ этихъ отрывкахъ геніальнымъ Шекспиромъ; и тебѣ надо было изобразить ярость разсвирѣпѣвшихъ волнъ, — неустрашимость славныхъ моряковъ, умирающихъ за свою родину, — любовь молодой дѣвушки къ молодому матросу. Однако ты вникни, прочти со вниманіемъ и сличи: въ твоихъ стихахъ ты не найдешь ни одного образа, ни одной картины, ни единаго выраженія, которое бы хватало за сердце, трогало; это просто какой то наборъ вычурныхъ словъ и напыщенныхъ фразъ, которыя какъ бы сами смѣются надъ тѣмъ чувствомъ, которое хотятъ выразить; да и самый размѣръ твоихъ стиховъ—мѣстами игривый, мѣстами протяжный—не напоминаетъ ли онъ тебѣ то пѣсни балагуровъ, то плаксиво-жалобный напѣвъ калѣкъ-перехожихъ? Словомъ въ нихъ на каждомъ шагу слышится такая полифѣйшая дизгармонія между содержаніемъ и формою, что ты и самъ едва ли въ состояніи безъ смѣха прослушать эти баллады, сочиняя которыя ты однако надѣялся разстрогать читателя и исторгнуть изъ глазъ его слезы умиленія и состраданія“. И сказавъ это, отецъ принялся громко читать неудачныя баллады юнаго стихотворца, между тѣмъ

какъ этотъ послѣдній, нѣсколько пристыженный, тщетно старался прервать такое непріятное для него чтеніе безпрестанными восклицаніями:

— Да, да, ты правъ, отецъ! Теперь я и самъ понимаю до чего это пошло и бездарно! Я имѣлъ безуміе вообразить себя поэтомъ; никогда мнѣ имъ не быть! А между тѣмъ—прибавилъ онъ съ отгнкомъ грусти—я люблю поэзію и чувствую ее.

— И я тоже, дитя мое, люблю поэзію; но вѣдь изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы самъ я былъ поэтомъ и въ состояніи сочинять поэтическія произведенія.

— Неужели же долженъ я совсѣмъ отказаться отъ литературныхъ занятій,—печально продолжалъ мальчикъ.—Напротивъ мнѣ всегда сдавалось, будто именно для нихъ то и рожденъ я.

— Вовсе нѣтъ! Зачѣмъ же тебѣ отказываться отъ такихъ занятій!—возразилъ ему отецъ.—Но ты долженъ упражняться писать прозою по различнымъ предметамъ, а главное постараться какъ можно яснѣе уразумѣть свое настоящее призваніе прежде, чѣмъ печатно выступать со своими сочиненіями: очень можетъ быть, что и окажется у тебя талантъ для дѣятельности журнальнаго публициста, либо для ораторской, а не то быть можетъ выйдетъ изъ тебя философъ. Но не торопись и не стремись изъ тщеславія во что бы то ни стало заставить говорить о себѣ; жди лучше, чтобы люди сами заговорили о тебѣ: повѣрь мнѣ, что прочная извѣстность и истинная слава приобрѣтаются лишь медленно и постепенно.

Веньяминъ, въ которомъ—какъ и въ большинствѣ

тѣхъ людей, которымъ предназначено стать великими и дожить до громкой извѣстности — не было ни капли сомнѣнія, покорно подчинился уроку отца и его совѣтамъ, которые до того глубоко врѣзались въ его сердце, что казалось служили ему руководящею нитью въ продолженіе всей дальнѣйшей его дѣятельности.

Слѣдуя совѣту отца, онъ началъ усердно упражняться въ составленіи статей по различнымъ предметамъ, причемъ образцами слога и способа изложенія служили ему произведенія лучшихъ англійскихъ писателей. Прилежно читалъ онъ Аддисонова „Зрителя“, — этого родоначальника англійскихъ обзорнѣй — и понемногу самъ началъ пробовать свои силы по части составленія журнальныхъ статей. Однакожь мысль печатать свои статьи пока еще была далека отъ него; хотя одно обстоятельство въ очень скоромъ времени и должно было внушить ему такую мысль.

Въ этотъ же періодъ своего духовнаго развитія Веньяминъ Франклинъ былъ всецѣло поглощенъ мыслью о средствѣ возможно болѣе расширить умственный свой горизонтъ и вообще развить интеллектуальныя свои способности. Такъ прочитавъ однажды въ одной книгѣ, что питаніе исключительно растительною пищею, благотворно дѣйствуя на физическую сторону человѣческаго организма, вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени способствуетъ усиленію умственной его дѣятельности, онъ совсѣмъ пересталъ употреблять въ пищу всякое мясо и началъ питаться исключительно однимъ рисомъ, картофелемъ, хлѣбомъ, изюмомъ и

водою. Къ тому же для него такая діета имѣла еще и ту выгодную и пріятную сторону, что давала ему возможность сберегать больше денегъ на покупку книгъ. Со всѣмъ тѣмъ онъ кончилъ однако тѣмъ, что отказался отъ такого рода діеты, и произошло это благодаря слѣдующему простому случаю: Веньяминъ имѣлъ обыкновеніе отъ времени до времени уходить на рыбную ловлю, чтобы доставлять рыбы къ столу своего отца и брата, хотя самъ до нея никогда не дотрогивался; и вотъ какъ то разъ кому то изъ нихъ случилось обратить его вниманіе на крошечную рыбку въ желудкѣ одной изъ пойманныхъ имъ рыбъ. „О-го! — воскликнулъ онъ; — и такъ если сами вы, голубчики, пожираете другъ друга, то я не вижу причины, почему бы намъ воздерживаться отъ употребленія васъ въ пищу“.

Бостонъ, который съ тѣхъ поръ сдѣлался однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ, уже и въ то время считался наиболѣе богатымъ по части литературныхъ трудовъ. Уже и тогда существовало тамъ нѣсколько повременныхъ изданій, въ томъ числѣ и „Вѣстникъ Новой Англіи“, издававшійся братомъ Веньямина и печатавшійся въ его типографіи. Но редакція этого журнала была не изъ лучшихъ, и юный Веньяминъ, прилежно читая этотъ журналъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе проникался сознаниемъ, что онъ уже въ состояніи писать теперь статьи болѣе дѣльныя, чѣмъ тѣ, что печатались на столбцахъ этой газеты и такъ громко вокругъ него восхвалялись. Опасаясь, однакожь, насмѣшекъ брата, челоуѣка не особенно умнаго и очень завистливаго,

да и увѣренный къ тому же, что предложи онъ брату статьи за своею подписью для его журнала, то статьи эти непременно будутъ имъ отвергнуты, онъ долго недоумѣваль, какъ бы поступить ему, чтобы доставлять въ редакцію, сохраняя свое инкогнито, статьи о политикѣ и различныхъ отрасляхъ науки, пока рѣшился наконецъ писать статьи, предназначившіяся имъ для „Вѣстника Новой Англїи“, на сколько возможно измѣненнымъ дѣланнымъ почеркомъ и вечеромъ украдкою просовывать ихъ подъ закрытую дверь типографїи. И дѣйствительно, всѣ его статьи, одна за другою доставленныя имъ такимъ образомъ брату, были напечатаны этимъ послѣднимъ на столбцахъ издававшагося имъ журнала, и вскорѣ вся читающая бостонская публика заговорила о неизвѣстномъ публицистѣ и его статьяхъ, громко превознося ихъ и ставя выше всѣхъ другихъ извѣстныхъ статей въ этомъ родѣ.

Ободренный такимъ громкимъ успѣхомъ, Веньяминъ Франклинъ пересталъ скрывать, кто былъ настоящій авторъ этихъ статей. Тогда со всѣхъ сторонъ посыпались на него похвалы друзей и знакомыхъ; всѣ поздравляли юнаго автора съ столь блестящимъ началомъ на поприщѣ литературнаго труда, и только брать его угрюмо молчалъ. Пуще прежняго началъ онъ завидовать Веньямину. Всѣми признанное превосходство этого послѣдняго было большимъ ударомъ для его тщеславія, заставить замолчать которое или по крайней мѣрѣ обуздать нѣсколько могли лишь его собственныя денежныя интересы, что и доказаль онъ вскорѣ весьма ясно.

Получивъ запрещеніе за одну статью, не по-

направившуюся властямъ, продолжать дальнѣйшее изданіе своей газеты, Джэмсъ Франклинь, для котораго денежный интересъ всегда стоялъ на первомъ планѣ, не побрезгалъ прибѣгнуть къ обману, лишь бы не прекращать изданіе своей газеты, ежедневно приносящей ему очень вѣрныя и крупныя барыши. А именно онъ началъ выпускать ее подъ фирмою своего брата, а чтобы придать этому обману видъ болѣе правдоподобный освободилъ Венъямина отъ ученическаго обязательства, связывавшаго юношу до двадцати одного года. Однако взамѣнъ этого обязательства онъ весьма предусмотрительно позаботился заставить его подписать другого рода обязательство, которое, если и не связывало оно его юридически, то за то нравственно до извѣстной степени обязывало его.

Весьма еще мало знакомый съ жизнью и вообще людьми неопытный юноша готовъ былъ согласиться на все, лишь бы не потерять возможности печатать своихъ статей; а отчасти руководила имъ въ этомъ случаѣ и надежда, что братъ его, смягченный барышами, получаемыми имъ отъ продажи газеты, нѣсколько измѣнитъ свое суровое обращеніе съ нимъ. Но, къ сожалѣнію, въ жизни промежъ людей не рѣдко встрѣчаются жалкія и завидливыя посредственности, которыя какъ бы считаютъ своимъ назначеніемъ быть злымъ гениемъ умовъ возвышенныхъ и благородныхъ: эксплуатировать ихъ и унижать такова та цѣль, къ которой безпрестанно толкаетъ такихъ людей ихъ гнусное чувство зависти. Глубоко уязвленный въ своемъ тщеславномъ самолюбіи несомнѣннымъ умственнымъ превосходствомъ младшаго

брата, Джэмсъ безсовѣстно отягощаль его простою механическою работою, въ надеждѣ этимъ ослабить его умственныя способности, и съ утра и до вечера заставляль онъ его работать за типографскимъ станкомъ, хотя не могъ не видѣть, до чего блѣденъ бываль юноша и утомленъ послѣ бессонной ночи, проведенной имъ надъ работою для его газеты.

Но наконецъ борьба эта, какъ и безсовѣстная эксплуатація брата опротивѣли Веньямину, и онъ очень рѣшительно объявилъ ему свое желаніе уйти отъ него.

Взбѣшенный, Джэмсъ обозваль его вѣроломнымъ измѣнникомъ.



— Да, ты правъ: я самъ понимаю, что, поступающая такимъ образомъ, я измѣняю своему слову,—

возразилъ ему бѣдный юноша, всегда отличавшійся откровенностью и душевною прямою.— Но за то ты со своей стороны, Джэмсъ, не со вчерашняго дня измѣняешь по отношенію ко мнѣ тому, чего отъ каждаго изъ насъ требуетъ долгъ справедливости и простаго человѣколюбія.

Внѣ себя отъ злобы Джэмсъ отправился къ отцу, чтобы пожаловаться на брата и при этомъ взвелъ на него самыя гнусныя обвиненія. Но и этого показалось ему еще мало, и онъ началъ всюду поносить его, пока не обезславилъ въ глазахъ всѣхъ бостонскихъ типографщиковъ и издателей, такъ что бѣдный оклеветанный юноша не смѣлъ никуда и глазъ показать. А между тѣмъ нужда вскорѣ дала себя почувствовать бѣдному Венъямину. Гдѣ было ему обрести себѣ убѣжище? Какъ найти средства прокормиться? Однако, благодаря необычайной энергіи, составлявшей одно изъ отличительныхъ свойствъ его характера и ума, онъ рѣшился сдѣлать нѣсколько попытокъ достать себѣ работы и для этого поочередно обращался и въ ту и въ другую изъ бостонскихъ типографій. Но всѣ онѣ, словно стоворившись, отвѣчали ему весьма рѣшительнымъ отказомъ.

Глубоко опечаленный и имѣя въ карманѣ всего лишь нѣсколько англійскихъ монетъ — франковъ пять приблизительно — которыя составляли весь его наличный капиталъ, Венъяминъ задумчиво сидѣлъ однажды на берегу моря, съ грустью раздумывая о своемъ плачевномъ положеніи и болѣе уже не помышляя о прогулкахъ по морю. Пока онъ такъ сидѣлъ, сосредоточенно размышляя, какимъ бы об-

разомъ помочь ему своему горю, и не обращая никакого вниманія на разбивавшіяся у ногъ его пѣнистыя волны, мимо него прошелъ капитанъ одного брига, одинъ изъ его старыхъ пріятелей, и, весело окликнувъ его, спросилъ:

— Эй, Веньяминъ, что призадумался? Никакъ ты совсѣмъ облѣнился, голубчикъ? Что-то ужъ не балуетъ въ волнахъ, нашъ Веньяминъ? Не плаваетъ и не ныряетъ; по морю на лодкѣ не разгуливаетъ, и пѣсенъ больше не поетъ!—и затѣмъ, дружески хлопнувъ его по плечу, прибавилъ:— Не хочешь ли, дружокъ, развлечения ради, пойти со мною и выпить стаканчикъ вина у меня на борту моего брига, съ которымъ кстати собираемся мы уходить не далѣе какъ завтра же въ Нью-Йоркъ.

Тронутый привѣтливостью стараго моряка и ласковыми его рѣчами, Веньяминъ не устоялъ и откровенно рассказалъ ему все, что лежало у него на сердцѣ.

— Ну, что же дѣлать!—выслушавъ его рассказъ, задумчиво промолвилъ капитанъ.— А теперь ты послушайся моего совѣта и вмѣсто того, чтобы печалиться здѣсь да тужить, возьми, да не долго думая, и уѣзжай ты завтра со мною въ Нью-Йоркъ. Быть можетъ тамъ ты и найдешь себѣ работы по душѣ: а нѣтъ, то отправляйся-ка съ Богомъ въ Филадельфію, гдѣ есть у меня родственникъ-типографщикъ, который, ручаюсь тебѣ, приметъ тебя какъ роднаго сына.

Такое предложеніе чрезвычайно понравилось Веньямину. Онъ радостно ухватился за него и въ

тотъ же вечеръ занялъ койку на бортѣ брига своего стараго друга.

Хорошая погода и попутный вѣтеръ благопріятствовали скорому ровному плаванію, и быстро добрались они до Нью-Йорка. Однакожъ не найдя и здѣсь себѣ работы, Веньяминъ въ скорости отправился въ Филадельфію, снабженный добрымъ капитаномъ рекомендательнымъ письмомъ къ его родственнику, типографщику Кейрмеру. Здѣсь юношу встрѣтили чрезвычайно радушно, и онъ нашель у Кейрмера гостепріимный домъ, а въ немъ самомъ образованнаго и добраго патрона, который не замедлилъ оцѣнить по достоинству какъ блестящія умственныя способности юноши, такъ и другія хорошія его стороны, и постоянно обращался съ нимъ какъ съ роднымъ сыномъ. Чтобы доказать ему свою признательность Веньяминъ съ необычайнымъ рвѣніемъ принялся за работу и въ скоромъ времени сдѣлался главнымъ лицомъ въ типографіи.

Со всѣмъ тѣмъ все по прежнему влекло его къ дѣятельности болѣе широкой, все также сильно манили его къ себѣ различные вопросы научные и общественные, и очень часто, прогуливаясь подъ вечеръ въ окрестностяхъ Филадельфіи, онъ съ грустью спрашивалъ себя, откроется ли наконецъ передъ нимъ какой либо путь или возможность выполнить свое назначеніе.

Какъ то разъ во время одной изъ такихъ прогулокъ, присѣвъ отдохнуть на возвышенности, съ которой видѣнъ былъ весь городъ, Веньяминъ, погруженный въ свои думы, незамѣтно засидѣлся здѣсь до наступленія ночи. Вдругъ надъ нимъ со-

вершено неожиданно разразилась гроза—одна изъ тѣхъ сильныхъ грозъ, о которыхъ дать намъ понятіе не въ состояніи грозы европейскихъ странъ. Одинъ за другимъ и почти одновременно съ сверканіемъ молній слѣдовали потрясающіе удары грома, сопровождавшіеся гулками и продолжительными раскатами. Но вотъ молнія грянула на одно изъ городскихъ зданій, и черезъ минуту все строеніе со всѣхъ сторонъ охвачено было пламенемъ. Веньяминъ поспѣшилъ къ мѣсту пожара, и зрѣлище, представшее тутъ его глазамъ, было ужасно: во время пожара нѣсколько людей погибло жертвою огня.

Потрясенный юный ученый вернулся къ себѣ домой душевно разбитый и всю ночь провелъ онъ въ глубокихъ размысленіяхъ, сидя у своего рабочаго стола: уже съ нѣкоторыхъ поръ былъ имъ констатированъ тотъ фактъ, что предметы заостренные обладаютъ свойствомъ давать медленно и на значительно большемъ разстояніи извѣстное направленіе электрическому току. И вотъ теперь силится онъ разрѣшить себѣ вопросъ, существуетъ ли возможность сдѣлать изъ такого рода предметовъ то полезное примѣненіе, силою котораго электричество сгущенныхъ облаковъ притягивалось бы къ землѣ, и толковалъ себѣ, что если громъ и молнія не болѣе какъ дѣйствіе электричества, то нѣтъ причинъ предполагать, чтобы не существовало средства дать имъ извѣстное направленіе и этимъ помѣшать имъ производить разрушеніе и опустошеніе. Такого рода размысленіямъ этого юноши въ ту бессонную ночь, что провелъ онъ послѣ вынесеннаго имъ изъ зрѣ-

лица пожара тяжелого впечатлѣнія, челоѣчество нѣсколько лѣтъ позднѣе обязано было громоотводомъ, котораго изобрѣтеніе принадлежитъ Веньямину Франклину.

Однако молва о необычайной даровитости юнаго ученаго не замедлила мало по малу распространиться по всей Филадельфіи. Правитель края, сэръ Уилліамъ Кэйтъ, челоѣкъ замѣчательный въ своемъ родѣ, изъявилъ желаніе познакомиться съ нимъ и съ разу угадалъ, чѣмъ въ недалекомъ будущемъ станетъ этотъ смѣлый юный геній, при чемъ его первою заботою было привязать его навсегда къ родинѣ узами признательности и надеждою будущей славы.

— Не желаете ли вы ѣхать въ Лондонъ?—предложилъ онъ ему.—Вы можете отправиться на правительственномъ суднѣ; отъ платы же за проѣздъ я могу васъ освободить. Тамъ вы познакомитесь съ различными литераторами, съ людьми науки, займете мѣсто съ ними на ряду, а затѣмъ, мой юный другъ, вы возвратитесь къ намъ въ Филадельфію и обогатите новый свѣтъ сокровищами вашего окрѣпшаго природнаго ума.

Съ восторгомъ принялъ Веньяминъ такое предложеніе.

Съ этого дня онъ созналъ себя самостоятельнымъ. Изъ юноши онъ сдѣлался мужемъ! Но все же первый его покровитель, обращаясь къ нему съ вышеприведенными словами, былъ далекъ отъ той мысли, что юному его протежѣ предстоятъ сдѣлаться со временемъ знаменитымъ Веньяминомъ Франклиномъ — однимъ изъ основателей республики Соединенныхъ Штатовъ.
